

И. А. Зинченко, кандидат юридических наук,
доцент Калининградского филиала
Международного университета

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

У статті аналізуються поняття і зміст кримінальної та кримінально-процесуальної політик. Прیدілено увагу значенню їхньої кримінологічної складової. Висловлюються судження про шляхи розвитку кримінально-процесуального законодавства. Сформульовано низку ключових елементів кримінально-процесуальної політики.

В статті аналізуються поняття і содержание уголовной и уголовно-процессуальной политик. Уделено внимание значению их криминалогической составляющей. Высказываются суждения о путях развития уголовно-процессуального законодательства. Формулируется ряд ключевых элементов уголовно-процессуальной политики.

The article analyses the notion and the content of the criminal and the criminal-processing policy. Attention is paid to the meaning of their criminological component. There are considerations as to the ways of the criminal-processing law development. The key elements of the criminal-processing policy are formulated.

Ключевые слова. Уголовная политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-процессуальное законодательство.

*“Стоит только пристальнее взглядеться в настоящее,
будущее вдруг выступит само собой”*

Н. В. Гоголь

Введение. Преступность становится фактором, угрожающим национальной безопасности России. Она покушается на ВВП и недра страны, финансовую, экономическую, правоохранительную системы и воинские устои, создаёт у граждан и властей привыкание к криминалу. В РФ ежегодно регистрируется 2,5–3 млн преступлений и выявляется примерно 1,5 млн лиц, их совершивших. Если согласится с экспертными оценками, согласно которым в России реально совершается свыше 15 млн преступлений, то придётся признать, как минимум половина, а может быть и 80–90% реальных преступников недостижимы для уголовной юстиции (это примерно 8–10 млн чел.), а около 7–8 млн наших соотечественников – жертв криминала, не получают от государства защиту и правовую помощь. Также ежегодно в стране регистрирует свыше 100 тыс. убийств, неопознанных трупов и граждан, пропавших без вести. Масштабная коррупция, растаскивание бюджетных и внебюджетных средств на фоне колоссального разрыва между “честной трудовой бедностью” и криминально нажитым богатством превысили все мыслимые пределы [1, 384–386; 597–502]. В этих условиях внимание правоведов всё чаще обращается к уголовной политике государства.

© И. А. Зинченко, 2012

Постановка задачи. Цель статьи – обозначить пути решения проблемы практической реализации уголовной политики в России.

Результаты исследования. В современной отечественной юридической науке уголовную политику можно отнести к числу достаточно глубоко *доктринально* разработанных понятий. Его содержание раскрывается в учебной и научной литературе, в диссертационных исследованиях, в словарных статьях. Ему посвящены тысячи страниц на сайтах Интернета. Ощущается существование осознанной правовой идеологии и на декларативном, то есть на директивно-политическом, уровне. Что же касается *практической реализации* уголовной политики как значимой части социальной политики государства в борьбе с преступностью, то здесь выявляются серьёзные проблемы и негативные тенденции, сводимые, на наш взгляд, к следующему:

- 1) отсутствие на государственно-правовом уровне осознанной и ясно сформулированной *концепции уголовной политики*. Мыслимо ли вне её плодотворное законотворчество? Наверняка, нет;
- 2) разрыв между уголовно-политическими декларациями, их законодательным воплощением и, главное, искажённой практикой применения правовых предписаний;
- 3) рассогласованность элементов, составляющих уголовную политику;
- 4) неравноглубокая разработанность компонентов уголовной политики.

Так, в стадии становления пребывают криминологическая и оперативно-розыскная её составляющие. В “младенчестве” всегда существовала и ныне остаётся постпенитенциарная политика. Однако более всего уязвима уголовно-процессуальная политика. Её производные – уголовно-процессуальное законодательство (1) и уголовно-процессуальная деятельность (2) подвергаются беспрецедентной критике. Первая – за небезгрешный во всех отношениях УПК РФ. Вторая – за правовой нигилизм (“нигилизм” не как мировоззренческая позиция, а как сознательное или неосознанное пренебрежение к закону и неуклонному

его исполнению) и недостаточный профессионализм правоприменителей, влекущие за собой неуважение к гражданину, произвол, следственные и, хуже того, судебные ошибки, субъективизм в принятии процессуальных решений, волокиту и т. п.

Идеологические правовые явления взаимосвязаны и взаимообусловлены, поэтому анализируя уголовную политику, мы неизбежно экстраполируем основные выводы и предложения и на политику уголовно-процессуальную, как впрочем и на иные её составляющие. В свою очередь, принципиальные положения уголовно-процессуальной идеологии оказывают влияние на формирование уголовной политики государства.

По мнению ведущих специалистов, современная уголовная политика в России переживает кризис, неадекватна криминальной ситуации, сложившейся в обществе, носит откровенно классовый характер, отличается чрезмерной жестокостью и зашла в тупик [2, 15]. В этом контексте обращают на себя внимание высказывания Л. В. Кондратюка и В. С. Овчинского, которые пишут: “Уголовная политика – это часть общей политики государства (в том числе экономической), и, естественно, если экономическая политика контролируется криминально-олигархическими кланами, то ... и уголовная политика во многом направлена на защиту этих же кланов. Она защищает не экономическую безопасность государства, а безопасность узкой группы лиц и структур, присвоивших недра государства и ряд функций государства” [3, 261]. Оценки жёсткие, но разве не кощунственно было бы давать иные, более мягкие или положительные характеристики уголовной политике в свете приведённых выше статистических данных и экспертных оценок.

Понятие и содержание уголовной и уголовно-процессуальной политики. Уголовная политика – часть социальной политики. В ней выражается понимание государством, его руководителями, судебными органами, правоохранительными учреждениями и ведомствами и соответствующими должностными лицами магистральных направлений борьбы с преступностью. Её содержание составляет применение в этой сфере деятельности комплекса экономических, правовых, социальных и иных мер по совершенствованию и эффективному применению законодательства, а также предупреждение преступлений. Цель уголовной политики – минимизация роста преступности и, в перспективе, её сокращение по количественным и качественным показателям. Уголовная политика включает ряд взаимообусловленных, но вместе с тем, относительно самостоятельных составляющих: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, постпенитенциарную, превентивную и оперативно-розыскную. В поле зрения “проводников” и исследователей уголовной политики должны быть и другие компоненты правовой идеологии.

Образную и точную характеристику предназначения уголовной политики, которая как нельзя лучше применима к её уголовно-процессуальной составляющей, дал А. И. Бойко: “Уголовная политика есть особый угол зрения на криминальную действительность, самая высокая смотровая площадка: здесь располагается государственно-правовая идеология; здесь внешне понятные и ожидаемые решения проверяются стратегическими пластами народной жизни; здесь искусно маскируется истинный интерес элиты; здесь ... многочисленные искушения упираются в стену общественной необходимости и грозят социальными возмущениями [4, 4–5].

Воззрения отечественных правоведов в рассматриваемой сфере в значительной степени были предопределены произведениями представителя социологической школы уголовного права Франца фон Листа. Подготовленные им в период с 1888 по 1894 год работы под общим заголовком “Задачи уголовной политики” [5], наряду с работами И. Бенгема, Ч. Ломброзо, широко использовали российские учёные на рубеже XIX и XX столетий. Анализ литературных источников свидетельствует: многие из высказанных Ф. фон Листом идей продолжают оказывать заметное влияние и на наших современников, особенно после переиздания его работ в 2004 г. на русском языке [6]. Не случайно наиболее интенсивное развитие проблематика правовой идеологии уголовно-правового толка получила в трудах криминологов. Применительно к уголовно-процессуальной политике, наиболее интересен вывод немецкого учёного о том, что основу правовой идеологии должны составлять криминологические знания о реальных причинах преступности и конкретных преступлений; о личности преступника и преступной личности; о социальных последствиях преступности и характере воздействия на личность принудительных мер и наказания [6, 7–9]. Трудно переоценить значение для уголовно-процессуальной проблематики оценок и прогнозов об уровне и динамике преступности, о количественных и качественных показателях преступности в России и мире, о жертвах и цене преступности, о формах её социально-правового контроля.

Криминологическая составляющая уголовно-процессуальной политики предполагает и стимулирует широкое использование эмпирического материала – данных официальной государственной статистики, материалов конкретных исследований, обобщений практики деятельности органов, входящих в судебную и правоохранительную системы, информационные письма, обзоры и др.

Традиционно большинство юристов используют в своих исследованиях преимущественно логические рассуждения. Конечно, методы формальной логики в правоведении вообще и, в частности, в уголовно-процессуальном праве исключительно важны. Но без эмпирической картины, отражающей сложные процессы в сфере уголовного судопроизводства, они представляют узкопрофессиональный, “локальный” интерес. “Занимающийся уголовной политикой будет дилетантом, – писал свыше 130 лет назад Ф. фон Лист, – если ему недостаёт твердой научной почвы, которой он может заручиться только при условии полного и точного знания фактов” [6, 7].

В последние годы ситуация с использованием статистической и иной фактической информацией изменилась к лучшему. В публичных библиотеках реорганизованы фонды так называемого специального хранения. В конце 80-х гг. прошлого столетия сняты ограничительные грифы с уголовно-статистических данных, со многих ведомственных изданий и диссертационных исследований, которые зачастую и засекречивались-то по причине использования в них сведений, доступ к которым был ограничен. Широкие информационные возможности для пользователей открыл Интернет. Примером глубокого анализа эмпирического материала могут служить работы А. Я. Гаврилова [7], Я. И. Гилинского [8], В. В. Лунеева [1] и ряда других авторов. Вместе с тем большой массив сведений, собираемых ГАИЦ МВД, ФСИН России и другими ведомствами, не всегда доступен широкому кругу исследователей. Так, согласно межведомственному приказу “О едином учёте преступлений” 2005 г. [9] (с последующими дополнениями), статистические материалы на лицо, совершившее преступление, и результаты расследования преступлений в общей сложности содержат около 1500 признаков социальной и криминологически значимой текстовой и закодированной информации. Воспользоваться ими непросто.

В публицистических высказываниях, да и в специальной литературе нередко приходится сталкиваться с мнениями о ненадёжности (“лукавости”) показателей и даже о лживости официальной уголовной статистики. Основания для этого существуют. Даже сами показатели не всегда совершенны. Так, количество умышленных убийств правильнее было бы учитывать по жертвам, а не фактам, как это принято в РФ. Однако, как правило, неточны, искажены или даже ошибочны не столько сами по себе статистические данные, сколько их понимание, толкование, интерпретация и формулируемые на этой основе выводы. В этом смысле они вполне заслуживают того, чтобы называться лживыми. Поясню свою мысль примерами. Если, предположим, официально сообщается, что в 2008 г. в России *зарегистрировано* 3 209 862 преступления, то, наверняка, ни у большинства специалистов, ни у общественности не возникает особых сомнений в точности этого сообщения. Если же данная цифра в каком-либо высказывании используется для утверждения, что в стране в 2008 г. совершено 3 209 862 преступления, то это ошибка или ложь, поскольку в этом показателе не учтена латентная, то есть незаявленная, незарегистрированная и неустановленная преступность. Ну а если согласиться с ошеломляющими экспертными оценками, приведёнными выше (а по подсчётам ВНИИ МВД России, эта цифра превышает 22 млн преступлений в год [10, 10–12]), то в приведённом заявлении становится очевидной многократная ложь.

УПК РФ в контексте уголовно-процессуальной политики. С принятием и введением в действие УПК РФ реформирование уголовно-процессуального законодательства, осуществляемое уже свыше 30 лет, не только не завершилось, но, напротив, получило дополнительные импульсы. В декабре 2011 г. исполнилось 10 лет со дня принятия Кодекса, однако вряд ли его создатели в связи с этой датой вправе рассчитывать на поздравления, настолько велика его критика за погрешности, лакуны, эклектичность, внутреннюю противоречивость норм и поразительную нестабильность. Количество внесённых в него изменений и дополнений уже измеряется тысячами, и никто пока не попытался осмыслить цель *всех* этих корректировок. Конечно, УПК РФ выполняет своё назначение – регулирует порядок уголовного судопроизводства на территории РФ. Он, безусловно, содержит немало прогрессивных институтов и норм. Однако Кодекс создавался в столь сложный, можно сказать, переходный период развития государства, что ничем иным, как УПК переходного периода, он быть и не может (кстати, “переход” от чего – понятно, а вот к чему – ясности нет). В годы создания проектов УПК РФ, основные направления уголовно-процессуальной политики казались ясны: либерализация уголовно-процессуального права; привнесение в законодательство институтов и норм, свойственных западной демократии, но не ведомых уголовному судопроизводству эпохи СССР; защита прав личности и организаций, потерпевших от преступлений, и одновременная защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения её прав и свобод; расширение и упорядочение полномочий следователя, дознавателя, прокурора; сокращение сроков уголовного судопроизводства, его удешевление для бюджета и др. Конечно, и в сегодняшнем правотворчестве, по определению, должна существовать и реализовываться уголовно-процессуальная политика. Однако какова она? Составить представление об этом весьма не просто в условиях хаотичных, противоречивых и непоследовательных преобразований в законодательстве. Существуют в УПК РФ и методологически неверные, на наш взгляд, позиции и формулировки, например, определение в ст. 74 понятия доказательств, поглотившее в себе источники доказательственной информации. Сюда же могут быть отнесены “лишние” в нормативном акте *идеологемы* [1]. В связи с перманентной корректировкой норм настораживают различные правовые конфигурации, так или иначе, умаляющие исполнение прокуратурой (прокурорами) своего основного предназначения в досудебном производстве – уголовного преследования, а также надзорных функций. Основания прекращения уголовных дел и уголовного преследования “рассыпаны” по всему Кодексу. Чрезмерно широкий круг лиц, обладающих значительными процессуальными иммунитетам, в том числе при решении вопроса о возможности (а, скорее, невозможности) привлечения их к уголовной ответственности за преступления, ни коим образом не связанные с их статусом. Не одну страницу занял бы перечень норм, требующих хирургического или терапевтического вмешательства законодателя (п. 1 ч. 2 ст. 75, ст. 89, ч. 4 ст. 173 УПК РФ и др.). Встречаются в тексте Кодекса и “технические” погрешности. Так, в п. 1 ст. 5 УПК РФ “Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе”, определяется термин “алиби”, в п. 3 понятие “близкие лица”, в п. 40.1 словосочетание “следователь-криминалист”, хотя в “настоящем

Кодексе” эти дефиниции не употреблены ни разу. В п. 47 ст. 5 УПК РФ следователь называется *стороной* обвинения, но в заглавии гл. 6 УПК РФ он именуется *участником* со стороны обвинения. Понятия далеко не тождественные. Однако более болезненно включение в нормативный акт “скороспелых” новелл. Быстрота разработки и принятия законов при отсутствии надёжных ориентиров таит в себе опасность их несовершенства. Поспешность в этом случае сопровождается недостаточно качественной экспертизой проектов нормативных актов и, следовательно, неустранёнными в них неточностями и ошибками. Таковым, например, в недалёком прошлом было возрождение в России в 1993 г. суда присяжных, осуществлённое в рамках, так называемой, судебно-правовой реформы. Неожиданно быстрое включение в УПК РСФСР раздела 10 “Производство в суде присяжных” без солидной доктринальной проработки и без широкого обсуждения в юридической периодике этого непростого для традиционного судопроизводства тех лет института повлекло за собой рождение крайне неудовлетворительной совокупности судостроительных и судопроизводственных норм. Они грешили и несогласованностью ряда правовых установлений с общими принципиальными положениями уголовного процесса, и даже несовершенством отдельных формулировок с позиций российской юридической фразеологии. Порою складывалось впечатление, будто то или иное правило заимствовано из законодательства другого государства и напоминает подстрочный перевод иноязычного текста, который хочется элементарно отредактировать. Потребовались немалые усилия, чтобы привести в оптимальное состояние институт альтернативного судопроизводства в УПК РСФСР, а затем и в УПК РФ. В действующем Кодексе многократно корректировались нормы, регламентирующие применение мер пресечения, взаимоотношения следователей, дознавателей и прокуроров, особый порядок судебного разбирательства (“сделка о сотрудничестве”, она же “сделка с правосудием”, “сделка о наказании”, “договорное признание вины”), особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Однако в завершении их реформирования точку ставить рано.

Симптоматичен ещё один настораживающий факт: в учебниках, в учебных пособиях по курсу “Уголовный процесс”, в комментариях к УПК РФ, в которых, как всегда было принято считать, излагаются наиболее устоявшиеся концепции, одни и те же нормы зачастую толкуются по-разному. Первооснову для неоднозначных позиций учёных-процессуалистов в значительной степени предоставляет сам УПК РФ.

Перспективы развития уголовно-процессуальной политики. Изучение уголовно-процессуальной политики, как правило, сводится к оценке и комментированию решений законодательной и исполнительной власти. Такой ретроспективный анализ правовых явлений прошлого вполне правомерен. Однако для сегодняшнего дня необходимы другие пути. В действительности желательно, чтобы всё обстояло иначе – волевые изъявления государства должны приниматься в русле осознанной и ясно выраженной политики, чтобы научно-исследовательская и практическая аналитическая работа опережала законотворчество.

В условиях нестабильности общества, мощной и справедливой критики правоохранительной деятельности [11], отсутствия ясных магистральных направлений в развитии всей правовой системы, формирование новой уголовно-процессуальной политики обречено на невысокую эффективность, если не будет разработана концепция уголовно-процессуальной политики.

Хотя, казалось бы, традиционный набор стратегических направлений, определяющих уголовно-процессуальную политику, достаточно очевиден. В их числе, ничтоже сумняшеся, можно назвать демократизацию уголовно-процессуальных средств борьбы с преступностью; гуманизацию уголовно-процессуального законодательства; обеспечение социальной справедливости и законности при применении норм уголовно-процессуального права; укрепление статуса судебной власти и независимости органов расследования, повышение профессионализма и авторитета правоохранителей [12]. Создатели УПК РФ утверждают, что при его написании они также исходили из “идеологии верховенства права, безусловного приоритета таких незыблемых общечеловеческих ценностей, как беспристрастный суд, презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон” [13, 746]. Современные исследователи высказывают и иные мнения. Считают неизбежной смену ориентиров уголовно-процессуальной политики, полагая, что “она должна стать умеренно антилиберальной” [7, 205]; настаивают на необходимости учёта евразийской сущности, исторических корней и национальных традиций российского уголовного процесса, а также участия народного элемента в уголовном судопроизводстве [14, 23–30, 226–238]; разрабатывают систему принципов уголовно-процессуальной политики [15] ^[2]. Но чудес не бывает, как не бывает самого по себе идеального, построенного на лозунгах, оторванного от социально-экономического, политического и временного контекста законодательства. Оно пребывает в развитии и за каждой идеей выявляются серьёзные тактические и “технологические” проблемы. Можно, скажем, оградить судей, следователей и дознавателей от внешних влияний, и для этого в РФ, согласимся, сделано немало. Но возможно ли, и если да, то каким образом обеспечить их независимость от председателей судов, руководителей следственных органов, начальников подразделений дознания и вышестоящих по отношению к ним должностных лиц? Нужны системные механизмы реализации стратегических направлений уголовно-процессуальной политики. Отметим здесь и фактор субъективного порядка: в рабочие группы по подготовке законопроектов и комитеты Государственной Думы РФ должны включаться не ангажированные политики и лоббисты частных интересов, а профессионалы-отраслевники.

В этой связи хотелось бы отметить: ведущие специалисты Института государства и права РАН, ВНИИ МВД РФ, других учреждений и ведомств неоднократно разрабатывали федеральные и региональные

программы по усилению борьбы с преступностью. Однако вследствие избирательного отношения власти и уголовной юстиции к преступности элиты и рядовых граждан, отсутствия политической воли, недостаточного финансирования, формализма, бюрократизма, разобщённости органов, составляющих правоохранительную систему, и иных обстоятельств, эти программы либо вовсе не принимались, либо принятые оставались нереализованными. Так, в 2011 г. истёк срок исполнения мероприятий, предусмотренных Концепцией федеральной целевой программы “Развитие судебной системы в России на 2007–2011 годы” [16]. Интересно, отчитаются ли государственные заказчики этой программы (высшие судебные инстанции, Минюст РФ) и если да, то перед кем, в какой форме, в каком объёме за её реализацию? Нельзя сбрасывать со счетов и коррупционное влияние на высшие эшелоны законодательной и исполнительной власти, постоянную криминализацию всё новых общественно-опасных деяний. По этим же причинам, а также в условиях отсутствия *единой научной школы отечественных процессуалистов* и, возможно, боязни того, что предполагаемые усилия не принесут положительных результатов, трудно рассчитывать в ближайшем будущем на воплощение доктринально разработанных идей в федеральные целевые программы по борьбе с преступностью. Такие программы комплексно охватили бы сферы реализации уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей права. Что же касается самой концепции уголовно-процессуальной политики, то есть основания рассчитывать на её разработку, а в перспективе, возможно, и официальное закрепление на законодательном или правительственном уровне. Реалистичность этого вывода подтверждается примером создания государственных концепций развития пенитенциарной системы, подготовленных Минюстом РФ и ФСИН России [17].

В концепции уголовно-процессуальной политики, в частности, должны получить отражение: а) её цели и задачи; б) принципы построения и реализации; в) реальная оценка среды функционирования органов уголовной юстиции; г) характеристика действующего уголовно-процессуального законодательства, а также направлений его обновления; д) оценка деятельности судебной системы и правоохранительных органов; е) средства и способы достижения цели и решения поставленных задач, включая отношение к правовым гарантиям безопасности реальных и потенциальных участников уголовного процесса, уголовно-процессуальному принуждению, либерализации и дифференциации уголовного судопроизводства; ж) предполагаемые сроки реализации.

Системную и научно обоснованную базу концепции уголовно-процессуальной политики должны составлять: а) безгрешная статистика, б) оптимальный расчёт материальных и кадровых ресурсов, в) криминологическое прогнозирование.

Выводы. Параллельно с этими политико-правовыми изысканиями, на наш взгляд, следовало бы приступить к подготовке нового УПК РФ, в котором были бы учтены недостатки предшествующего законодательства. Важным условием плодотворности этой работы явилось бы объединение научных коллективов, что способствовало бы созданию пусть не единой, но хотя бы господствующей школы процессуалистов.

Литература

1. Лунеев В. В. Курс мировой и отечественной криминологии : учебник / Лунеев В. В. – В 2 т. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1. Общая часть. – 1003 с.
2. Алексеев А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло А. Э. – М. : Норма, 2006. – 144 с.
3. Кондратюк Л. В. Криминологическое измерение / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский. – М. : Норма, 2008. – 272 с.
4. Бойко А. И. Уголовная политика : учеб. пособие / Бойко А. И. – Ростов н/Д. : Ростовский гос. экономич. ун-т “РИНХ”, 2008. – 192 с.
5. Франц фон Лист. Задачи уголовной политики / Франц фон Лист; в изложении Б. Гурвича (с приложением письма автора). – СПб. : Типо-Литография К. Л. Пентковского, 1895. – 142 с.
6. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Лист Ф. [сост. и предисл. В. С. Овчинского]. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 110 с.
7. Гаврилов А. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Гаврилов А. Я. – М. : Велби, Проспект, 2008. – 208 с.
8. Гишинский Г. Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других “отклонений” / Гишинский Г. Я. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 518 с.
9. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, МЮ РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития и торговли РФ, ФСКН РФ от 29.12.2005 г. // РГ. – 25 янв., 2006 г.
10. Горяинов К. К. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции / Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. – М. : Инфра-М, 2001. – 48 с.
11. Лукьянова Е. На правах высшего судьи / Е. Лукьянова // РГ. – № 124. – 9 июня – 2011.
12. Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика / Ляхов Ю. А. – Ростов н/Д. : Изд. Ростовского государственного университета, 1992. – 62 с.

13. Мизулина Е. Б. Послесловие // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Мизулина Е. Б. ; отв. ред. П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2003. – 797 с.
14. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные вопросы теории и практики / Томин В. Т. – М. : Юрайт, 2009. – 376 с.
15. Зеленецкий В. С. Инновационные принципы современной уголовно-процессуальной политики Украины [Электронный ресурс] / Зеленецкий В. С. – Режим доступа : www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Vamsu_pravo/2010_1/Zel_kyi.htm.
16. Концепция федеральной целевой программы “Развитие судебной системы в России на 2007–2011 годы” : утв. распоряжением Правительства РФ от 04.08.2006 г. № 1082-р // СЗ РФ. – 2006 – № 33. – Ст. 3652.
17. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : утв. распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р // СЗ РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

^[1] Идеологему в праве я операционально определяю как идеологически маркированную норму, которая сама по себе не регламентирует никаких правоотношений (например, “равенство граждан перед законом и судом”) или иной, используемый в юридических текстах, идеологически окрашенный фразеологизм (например, “либерализация судопроизводства”).

^[2] В недалёком прошлом советский, а ныне украинский учёный-процессуалист В. С. Зеленецкий сконструировал следующую систему этих принципов: территориальная масштабность и содержательная целостность, многовекторность и функциональная предметность, законность, обоснованность, целесообразность, реальность, гуманизм, конкретность, прогрессивность, научность, стабильность и доброкачественность. (Российским читателям материал пока доступен лишь на одном из сайтов Интернета).